

Хвостова К.В. Особенности византийской цивилизации. М., 2005. 96 с.

Новая монография К.В. Хвостовой – событие в отечественной византистике не только потому, что принадлежит перу историка с глубоким интересом к философии и богословию, но и потому что является итогом многолетних исследований автора в области византиноведения, теории цивилизации и методологии истории.

Работа состоит из предисловия, шести глав и заключения. В предисловии поставлены задачи исследования: выявление цивилизационных параметров Византии и механизмов воспроизводства этой цивилизации во времени, а также связей цивилизационных факторов с событийной историей и информационными процессами. К.В. Хвостова предлагает оригинальное определение термина: «цивилизация – это совокупность функциональных и корреляционных связей между социально-экономическими, политико-правовыми и культурологическими факторами, образующими тенденции, традиции, институты, отношения в определенном достаточно длительном пространственно-временном диапазоне» (с. 7). Такие связи составляют содержание мировоззренческих доктрин, нравственных понятий, социально-экономических, политических и правовых концепций, самосознания этноса и социума и являются параметрами цивилизации.

Особенности какого-либо феномена можно выявить лишь в сравнении и К.В. Хвостова избирает в качестве фона и точки отсчета социальные, политические и правовые тенденции, характеризующие цивилизационные особенности средневекового Запада. За рамками исследования остаются собственно культурологические проблемы, составляющие предмет изучения историков, литературоведов, антропологов и т.д. Автор сосредоточен на «немодных» ныне направлениях византистики: правовых и поземельных аспектах жизни империи и в особенности на сакральном характере византийского социума.

В главе I («Проблемы и методы») К.В. Хвостова резко и определенно дистанцируется от современного постмодернизма с его крайним историческим субъективизмом, необязательностью выбора критериев анализа и отсутствием общих методических принципов.

Следует признать, что изучение особенностей византийской цивилизации должно наконец перейти от эссеистов к профессионалам. Историки, признавая издержки многоуровневого *translatio* (от факта к источнику, от источника к исследователю, от исследователя к читателю), все же предполагают возможность изучения реальности, отраженной в источниках, при использовании тщательной разработанной методологии.

В рецензируемой монографии широко применяются методики новейших междисциплинарных исследований: количественный подход, анализ информационных процессов, семантический анализ понятийного аппарата представлений о мире и обществе, современная герменевтика, логические концепции уточнения идей и понятий и т.д.

Законодательство Юстиниана, Василики, кодекс Арменопула, императорские жалованные грамоты, кадастры, практики, частно-правовые документы, постановления Афонского протата и другой актовый материал, а также многочисленные нарративные источники (историография, труды по философии и богословию) предоставляют автору обширный материал для фундаментальных выводов. Автор делает акцент не только и не столько на интерпретации нарратива, сколько на анализе структуры текстов и особенностях аргументации. К.В. Хвостова отмечает, что повторы в текстах (по богословию, праву и т.п.) являются совпадением процедур хранения, передачи и переработки информации. Исследовательница рассматривает переработку информации как механизм развития общественных ментальных систем, а информационные процессы как фактор социальной детерминизации и шире – как механизм воспроизводства цивилизации во времени (с. 27–31, 44). К.В. Хвостова придает большое значение роли информационных процессов и полагает, что весь источниковедческий материал должен быть рассмотрен с точки зрения развития и специфики информационных процессов и их взаимодействия с социумом (с. 35).

В главах II–III («Спорные правовые вопросы византийской земельной собственности и ее реальный статус» и «Специфические черты византийской проники») рассматриваются по-

земельные и правовые отношения в Византии как цивилизационные факторы. На всем протяжении истории в империи доминировала полная безусловная собственность на землю в отличие от иерархической собственности на Западе. На Западе происходил сложный синтез местных обычаев, варварского права и традиций вульгарного римского права. А в Византии переработанное римское право (издавались его кодификации) сочеталось с правотворчеством императоров. Во времена Юстиниана складываются доминирующие на протяжении всей последующей византийской истории формы собственности, а также механизмы воспроизводства цивилизации во времени, определяемые механизмами переработки правовой информации (с. 40–44).

На Западе происходило смешение понятий «собственность» и «владение», частных и публичных прерогатив, а в Византии государство, заинтересованное в свободном крестьянском землевладении (краеугольный камень имперской налоговой системы) принимало энергичные меры по разграничению частного и публичного права. Византийское правосознание воспринимало собственность как институт, связанный с деятельностью земной власти, получающей божественную благодать, и К.В. Хвостова впервые рассматривает вопрос о влиянии восточной патристики и богословия на формирование и функционирование социально-политических и правовых институтов. Исследовательница отмечает, что феодальные отношения в Византии развиваются в условиях континуитета правопорядка, восходящего к постклассическому римскому праву и праву Юстиниана, а также в условиях появления права прецедентов, создаваемого императорскими распоряжениями, жалованными грамотами и новеллами. Византийцы использовали термины из политико-правовых и богословских доктрин для того, чтобы придать праву прецедентов моральные и правовые гарантии. Правом прецедентов в значительной мере регламентировался статус пронии и церковно-монастырской собственности.

Одно из основных противоречий византийской цивилизации – признание на уровне теории и правосознания единства частного и публичного права и нарушение этого единства в повседневной жизни – снималось в рамках политической ортодоксии (единство Церкви и государства), являвшейся государственной идеологией. Исследовательница разрабатывает гипотезу об имплицитно существовавшей византийской политико-экономической идее, связанной с представлением о божественной энергии и синергии (способности человека приобщаться к ней) и «метексисе» – проникновении в мир божественной благодати.

Ключевым разделом монографии К.В. Хвостовой является, на мой взгляд, глава IV «Сакральный характер византийского социума», в которой различия западного и византийского менталитета показаны в развитии главных параметров духовной жизни и с доказательной четкостью.

Противоречия двух уровней общественного сознания богословско-мировоззренческого и практически-повседневного осознавались и на средневековом Западе и в Византии. На Западе происходило резкое противопоставление обоих уровней, приведшее в конечном счете к отделению религии от науки и практики (в последующие эпохи это наглядно проявляется в западном позитивизме и логиклизме), а в Византии снятие вышеуказанной антиномии опиралось на сакрализацию структур повседневной жизни, т.е. происходило не разъединение «мира небесного» и «мира земного», а их сближение. Новые явления общественной жизни обозначались наименованиями из области богословия, философии, политики, права. «Прония» – институт, игравший огромную роль в социальной жизни Византии XI–XV вв., отчисление в пользу чиновника или военачальника, как вознаграждение за его службу государству, определенной налоговой квоты (а в XIII–XV вв. и пожалование за эту службу соответствующей земли), восходит к понятию пронии-провидения в богословии и понятию пронии-попечения в политико-правовой доктрине. В XIV в. крестьяне, лишённые надельной земли, назывались анипостати, имевшие такую землю – знипостати. В богословии первое выражение означало мнимую сущность, второе – наличие сущности.

Исследовательница подробно останавливается на социально-экономических институтах Византии, регулируемых правом прецедентов, именованная которых включали в себя сакральное содержание (икономия, ипостась, деспотия, кюриотис, политейя и т.п.) (с. 83–95). Происходило расширение семантического поля понятий и подчинение нового смыслового содержания слова его базовому (богословскому) значению. Функция богословия как инс. ру-мента снятия антиномии повышает его социальную значимость. На Западе собственность – порождение права народов (Фома Аквинский), для византийцев же собственность – результат действия «божественных и святых» законов, что подразумевает сакральный характер

власти. К.В. Хвостова подчеркивает, что креативная роль богословия в общественной жизни, сакрализация византийского общества – характерная черта византийской цивилизации и механизма ее воспроизводства, связанного с переработкой богословской информации (с. 96). Традиционализм восточной патристики обусловил интенсивность сакральных процессов в Византии, но сакральность не переросла в теократию, так как, по мнению автора, этому воспрепятствовало античное влияние, доминирование императорской власти в системе социальных отношений и союз Церкви и государства.

Манипулирование языковыми структурами в Византии показывает их влияние на менталитет и развитие социума. Придание некоторым социально-экономическим институтам и отношениям повседневному сакрального смысла следует, по мнению автора, искать в идеях космологического синтеза восточной патристики (с. 91–92).

В главе IV К.В. Хвостова рассмотрела социально-философские аспекты византизма – «оправдания жизни», оставив в стороне то, что непосредственно относится к мистицизму, христологии и экклесиологии. Идея синтеза устойчивых традиционных институтов и доктрин и постоянно меняющихся факторов повседневности отражает глубокую трактовку византийцами понятия единства жизни, осуществляемую в рамках присущей им целостной картины мира (с. 189).

Автор считает идеи синтеза божественности и тварности, формы снятия антиномий духовного и общественного развития Византии (т.е. механизмы воспроизводства цивилизации во времени, обнаруживающие концепцию целостной картины мира) *византизмами*, условно названными ею «оправданием жизни». «Византизм» – оправдание жизни – это также и восприятие византийцами коллективного и индивидуального опыта как единой истины, отражающей божественный дар (с. 97 и сл.). Византийская цивилизация осталась незавершенной после гибели византийской государственности, и проблема возможности появления альтернативного пути снятия антиномий между факторами цивилизационного и событийного ряда остается открытой. Несомненно, однако, что подчинение второго ряда первому мешало появлению условий для возникновения институтов и идеологий альтернативных традиционным.

Византизмы – это те проявления византийской цивилизации, которые оказали существенное влияние на культуру других православных народов, включая Русь. Этот феномен почти не исследован в рамках сравнительного анализа цивилизаций (с. 97). Русские мыслители восприняли византийскую гносеологическую концепцию единого знания, признающего равноценность рациональности и эмоций, интуиции и анализа, что нашло отражение в русской религиозной философии всеединства (с. 98).

Главы V и VI («Другие цивилизационные особенности византийской цивилизации» и «Философия и коллективный социальный опыт. Ориентация в повседневной жизни») представляют собой ряд оригинальных исследований особенностей византийской цивилизации в различных областях жизни империи. Исследовательница рассматривает аграрную структуру Византии, отметив, что ни податной иммунитет, ни преобладание частно-правовой аренды не привели к изменению цивилизационной тенденции четкого разграничения публичного и частного права (с. 108–122).

Значительное внимание К.В. Хвостова уделяет характеристике византийского города. На Западе город противопоставляет себя сеньорам и ведет борьбу, в ходе которой формируется гражданское самосознание его населения. А в Византии город является выразителем имперской идеи, политической ортодоксии. Целостный характер метафизически-мистической картины мира в значительной мере препятствовали кристаллизации устойчивых форм самосознания отдельных городских слоев (с. 122–124). Византийский город, по мнению К.В. Хвостовой, являлся выразителем единого самосознания, сформировавшегося в рамках традиционных институтов, политико-правовой и религиозной доктрины. Бюрократическое государственное управление городом (контроль и регламентация), централистские тенденции элиты – проявление стабильности византийской цивилизации, обусловившие ее континуитет (с. 122–125).

Новизна монографии К.В. Хвостовой состоит также в разработке проблем византийской философии истории, которая оценивается автором монографии как важнейший цивилизационный фактор. История – это описание событий, осмысление которых основано на индивидуальном и общественном опыте. В понимании византийцев история – гносеологическая категория, которая связана с признанием феноменологической независимости событий прошлого от достоверности их описания (с. 150).

В главе VI подробно анализируются идеи византийцев, связанные с признанием ими в рамках линейного христианского провиденциалистского времени и циклического времени, которое они трактовали как повтор социальных ситуаций. Рассматривается также интерпретация византийцами античных понятий судьбы и случая, реконструируется византийская прогностика: социальный опыт и знание человеческой природы с дарованными человеку свыше добродетелями (которые человек, обладающий свободой воли может реализовать или не реализовать) позволяют, по мнению византийцев, предвидеть «будущее на основе знания прошлого». Все эти идеи связаны с инкорпорированием и переосмыслением античных философских понятий в восточнохристианском мирозерцании. По мнению автора монографии, традиционность византийского понятийного аппарата, связанного с философией истории, правосознанием и повседневностью, не только является характерной чертой византийской цивилизации, но и отражает механизм ее воспроизводства во времени (с. 138–181).

К.В. Хвостова справедливо считает, что модели Запада и Византии – в определенной степени научная идеализация. В Византии в рамках гуманизма развивалась сильная рационалистическая тенденция – признание возможностей разума в приближении к абсолютной истине (Иоанн Итал, Михаил Пселл, Никифор Григора и др.), а в западной средневековой богословско-философской мысли присутствовал и мистицизм (с. 98). Я полагаю однако, что создание типологических моделей общества при ясном осознании многообразия реальной жизни плодотворно для классификации сложных мировоззренческих процессов.

Особенно интересны наблюдения К.В. Хвостовой о связях современных идей и методик с византийскими, в частности метафизичность общественного сознания византийцев и расширение базового смысла слов для образования новых терминов близки к современной лингвистической концепции о креативной функции языка и идее о влиянии языковых структур на менталитет.

Идеи сложных сочетаний волеий, энергий и синергий, признание вероятностного характера социальной ориентации человека могли бы составить отдаленную мировоззренческую предпосылку для вероятностного анализа явлений природы и общественного поведения человека (с. 106). Византинизмы с их мистическими представлениями о единстве мира, единстве разума и мира чувств, деяний и представлений приобретают особый интерес в связи со стремлением ряда западных исследователей преодолеть декартовский рационализм (с. 106–107). Восточнохристианский мировоззренческий опыт (особенно концепции исихазма) с его идеей единства мира, концепцией логосов, энергий и синергий как приобщения к благодати актуален на современном этапе развития мировой философской мысли (с. 195).

Итак, К.В. Хвостова рассматривает византийскую цивилизацию как симбиоз Церкви и государства и связывает специфику воспроизводства византийской цивилизации во времени и сакрализацию общества с конституирующей ролью восточнохристианского богословия. Автор устанавливает взаимосвязи ведущих мировоззренческих доктрин и идеологий, правопорядка и развивающихся отношений, не имевших адекватного выражения в традиционном праве и отраженных в праве прецедентов, рассматривает новые представления и правотворчество в области канонического права, влиявшие на социальное поведение и правосознание, и, наконец, обосновывает современный философский смысл некоторых византизмов.

Такое сложное содержание, разумеется, не могло быть донесено до читателя в легко усваиваемой форме (информативная насыщенность слишком длинных предложений, сложная стилистика). Однако, мне представляется, что восприятие работы усложняется и ее композиционным построением. Камертоном и ключевым разделом монографии, несомненно, является четвертая глава, освещающая глубинные пласты византийского менталитета, более того, именно она должна, на мой взгляд, быть поставлена в начале исследования. В этом случае автору не пришлось бы прибегать к повторению ключевых для монографии формулировок (о снятии антиномий, о роли императорской власти в византийском обществе, о влиянии восточной патристики и т.д.) в других главах. Уверенное знание довольно легко может принять характер дидактики, в особенности, когда «повторы» из источников проникают в исследование. Но это, в сущности, замечания, сделанные на полях.

Монография «Особенности византийской цивилизации» является оригинальным и фундаментальным исследованием, вносящим ценный вклад не только в византиноведение и медиовизантистику, но и в разработку теории цивилизаций.

В.А. Арутюнова-Фиданян